

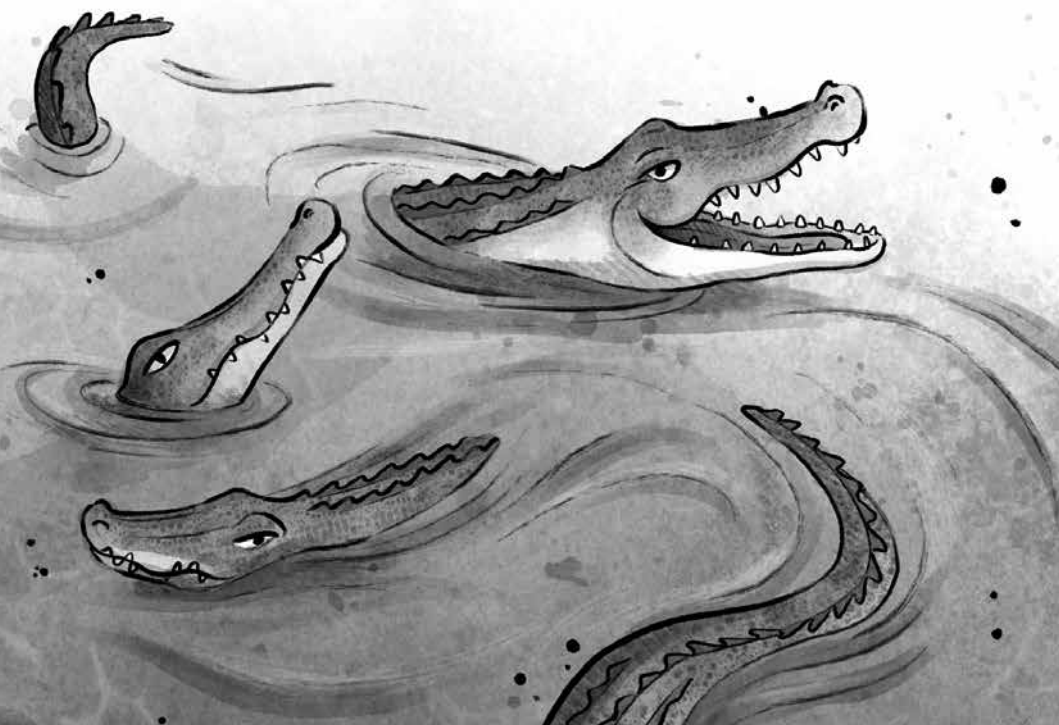

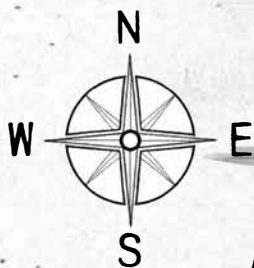
СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	12
1. Фараон посещает свою гробницу	21
2. Кормление ибиса	34
3. Аудиенция у принца Хаэма	38
4. Интересное приглашение	44
5. Снова ибис	51
6. Тележка в ночи	58
7. Кормление священных крокодилов	65
8. Финальная мумификация	74
9. Трудное решение	80
10. Священный пруд	83
11. Мумия крокодила	94
12. Тайна мумии	102
13. Исида и Неферу	104
14. Танец с крокодилами	112
15. Маху знакомится с принцем Хаэмом ..	120
16. Проклятие крокодила	125
17. Миф о Сете и Осирисе	132
18. Пасер	135
19. Пришествие Сета	138
Эпилог	155

Моей маме Джорджи Пуротта
Савуор Пуротта

ШЕДЕТ
(ЭЛЬ-ФАЙЮМ)

НИЛ

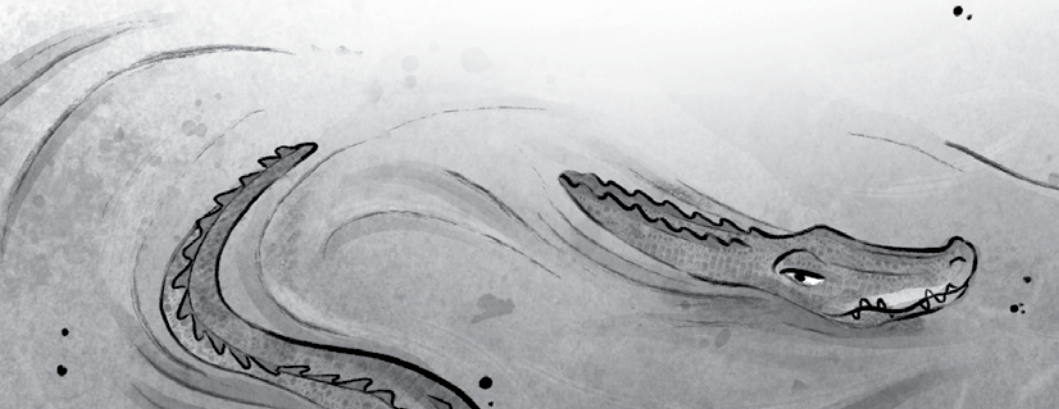
КРАСНОЕ МОРЕ

ВАСЕТ
(ЛУКСОР)

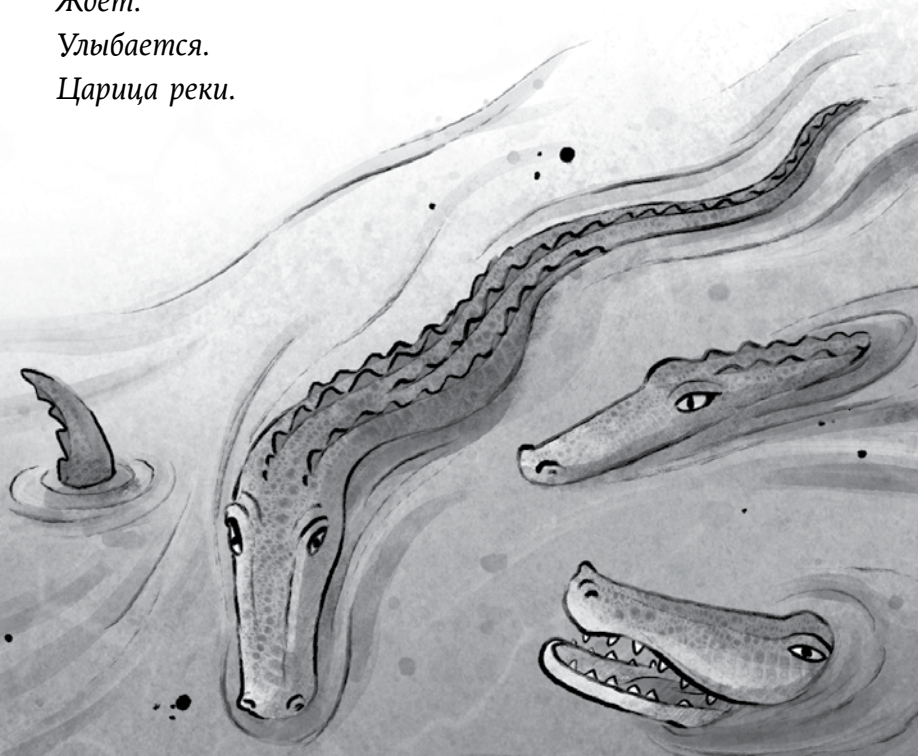
Крокодил на берегу реки

3000-летнее древнеегипетское стихотворение, найденное на глиняном горшке, переведённое и адаптированное.

Моя подруга ждёт меня
На той стороне реки.
Я хотел бы её навестить,
Но река разлилась,
И на берегу в засаде
Лежит крокодил, недвижим.

И всё же я вхожу в воду.
Отчего дружба толкает нас на смелые поступки?
Превращает под нашими стопами бурные воды
в благоуханные луга?
Мысль о встрече с подругой ведёт меня через
реку,
И я крепко впиваюсь пальцами ног в песок.
Её заклинание усыпило крокодила.
Где она?
Ах, вот же она.
Ждёт.
Улыбается.
Царица реки.

Пролог

Генерал Татиа стоял без движения, вытянув руки вдоль тела, словно снова превратился в рядового на военном параде. Его лицо омывал тусклый лунный свет, но генерал знал, что это не та же луна, что светит на Чёрную Землю. Он не был жив. Он умер. Он пронёсся на своей барке** сквозь звёзды и теперь спустился в мрачный загробный мир, именуемый Дуатом***, — место, которого боялись все египтяне.*

Возле него, выстроившись в широкий круг, парили сорок два бога-судьи. Он не видел их лиц, лишь золотые глаза, быстро мигающие во тьме. Генерал чувствовал

* Чёрная Земля – так древние египтяне называли свою страну. Это название появилось из-за жирной тёмной почвы вдоль реки Нил.

** Барка – речное деревянное судно.

*** Дуат – потусторонний мир. Ужасное, тёмное место, где жили некоторые из богов.

себя так, словно его окружают львы или тигры, готовые броситься, а он понятия не имеет, ручные это питомцы или дикие звери.

Эти судьбы, помощники Маат*, решат, заслуживает ли он отправиться в место под названием Иалу, чудесные Поля Тростника — счастливый, солнечный мир, в котором генерал воссоединится со своими друзьями и любимыми. Или они сочтут, что он прожил жизнь недостойно, и его сожрёт чудовищная богиня Амаат.

Голоса судей эхом разносились вокруг генерала.

— Он ответил на все наши вопросы верно...

— Судя по всему, он никогда не воровал, — проорывал глубокий голос.

Генерал Татиа изучал свиток «Изречений выхода в свет дня»** и знал, что это говорит Объятый-Пламенем — бог, чьей задачей было определить, крал ли стоящий перед ним человек когда-нибудь из храма или общественного здания.

В бледное пятно света возле генерала вступил другой судья и поглядел ему прямо в глаза. Это был

* Судьи — помощники Маат — сорок два бога, ответственных за суд над душами умерших. У каждого было своё имя и протупки, которые они судили.

** Изречения выхода в свет дня, или Книга Мёртвых, — длинное произведение, объяснявшее людям, как попасть в Поля Тростника.

Любопытный, обязанный выяснить, не воровал ли недавно умерший у близких.

— И краюхи хлеба никогда никого не лишил, — объявил он.

— Но из его ответов на мои вопросы я делаю вывод, что он множество раз лгал, — сказал ещё один судья, называемый Богом-Огненным. — Это говорит отнюдь не в его пользу.

— И ругался, — влез очередной судья, зовущийся Ты-Из-Тьмы. Он влетел в круг света, и генерал увидел его круглое лицо, подведённые сурьмой глаза. — Он ссорился с друзьями, с женой, даже с самим фараоном. Он много ругался.

— И на некоторые наши вопросы ответил неверно, — прошептала ещё одна судья, занимая место вернувшегося в тень Ты-Из-Тьмы.

Другие согласились с ней.

— А некоторые его ответы были верны лишь благодаря заклинаниям, начертанным внутри его гробницы.

— Или написанным в дорогой книге заклинаний, которую жрецы положили ему в гроб. Заклинания зачаровали его язык, поэтому он говорил лишь то, что мы хотели услышать.

Перешёптывания богов плыли вокруг Татиа, сплетаясь в паутину. Судей, перебивающих друг друга, было так много, что он не мог понять, кто что говорит.

— Но его ответы также показали нам, что он прожил хорошую жизнь! — вскричал Ты-Из-Тьмы.

— Да, он жил в соответствии с правилами и желаниями богов. Он вёл себя лучше, чем любой другой генерал из тех, кого мы недавно судили.

Другая богиня, известная как Белозубая, казалось, встала на сторону Татиа.

— И он был добр, насколько мне известно. Его сердце, безусловно, переполняло милосердие.

— Но я также нахожу, что зачастую он был неоправданно строгим, — сказал судья с мягким голосом. Татиа был уверен, что это Смиряющий-Воды.

Голос подал ещё один бог, Тот-Что-Над-Старым. Его роль состояла в том, чтобы выяснить, не запугивал ли и не обижал ли Татиа людей.

— Да, мне тоже так показалось. Жестоким, я бы сказал. Особенно к слабым! К беднякам и к рабам.

— Но, возможно, не настолько жестоким, — заговорила богиня Нефертум. — Он наказывал, но не сурово. Я бы сказала, он был как большинство людей его ранга. Он ожидал лучшего и от себя, и от тех, кем владел и кого нанимал.

— Да, — отозвался судья по имени Владыка-Лиц. — Он не выносил неповиновения. Его слово было законом.

— Быть может, потому фараон и сделал его генералом, — предположил Возмутитель-Спокойствия. —

Генерал должен пользоваться у своих солдат уважением...

Ты-Из-Тьмы злобно цокнул языком.

— Если мы будем судить его теперь так же строго, как он судил при жизни других...

Бормотание продолжилось, паутина страха сплеталась вокруг генерала в тугой кокон. Его призрачный пёс, верный спутник, приплывший с ним на барке, заскулил у его ног. Ему тоже было страшно; его посмертная судьба находилась целиком в руках его хозяина. Если генерал попадёт в Поля Тростника, его пёс вечно будет жить с ним рядом. Но если генералу не повезёт, пса вместе с ним поглотит Амат.

Внезапно перешёптывание прекратилось. Вперёд выступил бог Анубис, держа в правой руке вселяющие страх весы правосудия. Раньше генерал видел лишь изображения и статуи шакалоголового бога. На них он всегда казался пугающим. Смотреть на него, поднимающего весы, теперь было прямо-таки жутко. Настоящий великан, Анубис возвышался над генералом. Его огромные зубы были острее зубов любого шакала, что Татиа когда-либо видел.*

* Анубис – древнеегипетский бог с головой шакала, отвечавший за погребальные обряды и служивший стражем весов на посмертном суде.

— Узрите перо Маат! — прорычал бог. Откуда-то из тьмы на одну чашу весов опустилось страусиное перо.

Как и все жители Чёрной Земли, генерал знал, что Маат — богиня порядка, истины и справедливости. Перо считалось символом всех идеалов, которые она в себе воплощала, правил, которые, по её мнению, люди должны были соблюдать.

— И узрите! — взревел Анубис. На его левой ладони возник сияющий ярко-красный предмет. Генерал Татия знал: это его собственное сердце. Сейчас его вес сравнят с весом пера Маат, и, если окажется, что проступки генерала сделали его сердце тяжелее, в Поля Тростника его не пустят. Рука генерала метнулась к амулету в виде скарабея на груди. Он молился, чтобы магия амулета сработала; чтобы его сила не дала сердцу выдать старые ошибки.

Призрачный пёс заскулил, когда Анубис осторожно положил сердце на весы. На один жуткий миг чаша опустилась ниже чаши с пером. Генерал крепче стиснул скарабея сердца, одними губами произнося молитву, и чаша начала подниматься обратно.

Генерал едва мог смотреть на весы. Поднимется ли чаша достаточно, чтобы спасти его? По толпе судей прокатились вздохи. Две чаши висели вровень. Ни одна не оказалась выше другой.

— Дилемма, — прошипел Бог-Огненный. — Генерал прожил недостаточно хорошую жизнь, чтобы заслужить путешествие в Поля Тростника.

— И всё же он не был настолько плохим, чтобы скормить его душу Амат, — возразил Широкошагающий.

Амат, богиня-демоница с телом льва, бегемота и крокодила, рыскала во мраке неподалёку. Зубы её скрежетали.

— Что же нам делать? — спросил Бог-Огненный. — Такого раньше никогда не случалось...

Словно в ответ, за спиной Анубиса пролился дождь из звёзд. Звёзды закружились, собираясь в созвездия, и из их ослепительного света выступила высокая величавая фигура с мощными крыльями на спине. Её глаза, густо подведённые чёрным, с добротой посмотрели на генерала Татиа.

— Я — Маат, — провозгласила она, — дочь великих Амона-Ра и Хатхор. Богиня истины, справедливости, порядка и баланса.

Позади неё появилась вторая фигура, высокая, с головой ибиса.

— А это мой муж, Тот, бог письма и мудрости, — представила Маат. — Ты всю свою жизнь приносил мне жертвы, генерал Татиа. А ещё ты был верным другом фараону, которого я защищаю самой особой своей магией. Поэтому я пришла тебе на помощь.

Богиня повернулась к судьям.

— Вы не можете решить, должен ли этот человек отправиться в Поля Тростника или во веки веков скитаться по Дуату. У меня есть решение. Вы не уверены, был ли генерал жесток или добр при жизни. Мы отправим его ка* на задание, которое докажет, что он может быть добрым. Если он преуспеет, его сердце окажется легче моего пера истины. Вы все согласны?

По толпе судей прокатилось одобрительное бормотание.

— Мы лишь младшие боги, и ты властвуешь над нами, о великая и святая Маат, — провозгласил Любопытный. — Мы с радостью сделаем так, как ты скажешь.

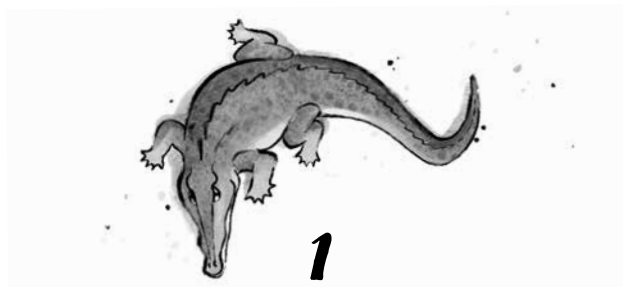
Богиня повернулась к Татиа.

— Генерал, ты часто угрожал людям жестокостью и наказаниями. Теперь пришло время продемонстрировать доброту, и сделать это незаметно. Чёрная Земля в смертельной опасности...

Маат зашептала что-то генералу на ухо, и его глаза округлились от ужаса. Затем богиня подняла анкх, символ жизни.

— Этот могущественный символ защитит тебя во время задания, генерал Татиа. Он тебе понадобится. Моя сила и сила Тота пребудут с тобой.

* Ка — часть души или духа, которая остаётся после смерти человека.

Фараон посещает свою гробницу

– Ренни –

Ренни выглянул из гробницы Рамсеса в Долину Царей, пустынную землю, в которой были похоронены многие фараоны и другие важные персоны Чёрной Земли. Полуденное солнце слепило глаза, но мальчик всё же разглядел яркую вереницу людей, прокладывающих себе путь по горячему песку. У него перехватило дыхание. Фараон Рамсес ехал посмотреть на свою незаконченную гробницу. Будет ли он доволен? Ренни слышал, что Рамсесу невероятно трудно угодить. Возможно, это потому, что фараоны — отчасти боги. Понравятся ли ему картины, которые Ренни помогал рисовать на стенах?

Пепи, дядя Ренни и его учитель, мягко оттащил мальчика назад.

— Ренни, встань со мной рядом. И когда свита фараона прибудет, делай всё как я. Не забывай, фараону никогда нельзя смотреть в глаза.

— Но я уже смотрел на фараона раньше, — возразил Ренни, вспоминая тот раз, когда он, его старший брат Маху и их подруга принцесса Балаал побывали на Прекрасном празднике Долины*. Тогда они ввязались в опасное приключение, но Ренни, как и все в толпе, успел полюбоваться на Рамсеса — самого славного фараона из всех, что видела Чёрная Земля.

— В тот раз фараон появлялся на публике, — объяснил дядя Пепи. — Он присутствовал там как царь и бог. Тебе было позволено глядеть на него точно так же, как на статуи богов во время праздника. А сегодня он здесь в частном порядке, как святой человек, который хочет убедиться, что его гробница идеальна и ничто не помешает ему воссоединиться с Амоном-Ра после смерти. Мы должны относиться к нему с уважением.

Пока он говорил, царственная процессия приблизилась к открытой гробнице. Впереди в два ряда шагали рабы, все безупречно одетые

* Прекрасный праздник Долины — праздник, чествующий мёртвых. Проводился каждый год в городе Васет.

в белое. Хотя они и были рабами, на их руках позвякивали дорогие браслеты, а на шеях блестели золотые ошейники, усыпанные драгоценными камнями. Они напомнили Ренни обвешанную украшениями кошку, которую он как-то видел в особняке одной богачки: вид впечатляющий, но по сути — невольники на всю жизнь.

За рабами шествовали важные люди, мужчины в жёстких льняных килтах и развевающихся балахонах. Их лица, как и лица шагающих рядом с ними женщин, украшал затейливый макияж. Щёки их были нарумянены красной пудрой, ногти на руках выкрашены в ярко-оранжевый. Глаза были густо подведены чёрной сурьмой. Ренни знал, что краска вокруг глаз — не только для красоты. Она помогала защитить глаза от беспощадного солнца.

За благородными людьми тянулась небольшая толпа детей в белых плиссированных одеждах. Как и Ренни, младшие носили локон юности у виска*. С шей мальчиков свисали амулеты в форме глаза Гора**. Девочки были облачены

* Локон юности — прядь волос, растущая сбоку головы.

** Глаз Гора — древнеегипетский символ луны, левый соколиный глаз бога неба Гора.

в чистые льняные одеяния, подоткнутые на талии. Подолы их платьев были расшиты бусинами, позвякивающими при ходьбе.

По их гордому виду Ренни понял, что это одни из многочисленных детей фараона. Их няньки почтительно шли следом, неся фляги с водой и корзины со свежими фруктами. Рабы-мужчины обмахивали их павлиньими перьями.

За детьми мускулистые солдаты несли в паланкине самого фараона. Его длинное красивое лицо сияло, как начищенная медь под жарким солнцем, но Ренни был разочарован, не увидев на нём двойной короны

Чёрной Земли*. Вместо неё на голове фараона красовался густой чёрный парик, скрывающий его знаменитые рыжие волосы.

Рядом с фараоном, держа над ним зонтик из оленьей кожи, защищающий от солнца, сел молодой жрец. К облегчению Ренни, гадкого визиря, обычно везде сопровождавшего фараона, видно не было.

Пасер, старый визирь, был человеком амбициозным и жестоким, который не остановится

* Долгое время Египет состоял из двух стран: Верхнего и Нижнего Египта. Когда они объединились, задолго до времени, в котором происходит наша история, фараон начал носить двойную корону. Она демонстрировала, что он правил и Верхним, и Нижним Египтом.

ни перед чем, чтобы заполучить желаемое. По слухам, он серьёзно заболел, отведав испорченного сома, и не мог покинуть свой прекрасный особняк у Нила, даже чтобы пойти в суд или в храм. Поговаривали, что лечится он несколькими каплями самодельного волшебного зелья, которое принимает каждый день.

Ренни знал, что слухи, скорее всего, лгут. Визирь прятался, потому что злился. Злился, что ему не удалось украсть скарабея сердца своего старого врага, генерала Татиа! Ренни, Маху и Балаал позаботились об этом, попав в ошеломительное приключение, едва не стоившее им жизней.

При одной лишь мысли о старом визире Ренни содрогнулся. Что-то он делал теперь, когда его коварные планы сорвались? Задумывал новые козни?

— Смотри, что я тебе говорил? Фараон сегодня без накладной бороды, — прошептал дядя Пеппи, когда позолоченный паланкин остановился возле гробницы. — И у него с собой нет священных посоха и цепа. Это значит, что Его Величество здесь как человек, а не как бог. Как я и думал.

— Узрите фараона, — объявил жрец с зонтом. — Узрите хранителя гармонии и баланса, избранного Амоном-Ра.

Дядя Пеги пихнул Ренни и ничком рухнул наземь. Ренни последовал его примеру, как и все остальные художники и мастера.

— Выражаем фараону наше скромное почтение, — громко сказал дядя Пеги от лица всех рабочих, собравшихся возле гробницы.

— Встаньте же на ноги, все вы, — сказал фараон, когда солдаты поставили его паланкин на землю. Он улыбнулся дяде Пеги. — Как ваши дела, господин художник?

— Хорошо, ваше величество, — ответил дядя Пеги, не поднимая взгляда.

— Ну-ну, — сказал фараон, — можете взглянуть мне в лицо. Я здесь как простой смертный.

Фараон повернулся к Ренни, и сердце у того едва не остановилось в груди.

— А это...

— Мой племянник Ренни, ваше величество. Он мой ученик, и он отлично потрудился над вашей гробницей.

— Молодец, юноша, — похвалил фараон. — Продолжай усердно трудиться и однажды, несомненно, станешь таким же востребованным художником, как твой дядя.

— Да, ваше величество. Благодарю, ваше величество, — выпалил Ренни. Он не поднимал

глаз, но знал, что принцы и принцессы таращатся на него. Ренни дружил с одной принцессой — Балаал, дочерью правителя народа Фенху* с севера! Балаал была находчивой, умной и бесстрашной. Она не соблюдала этикет. А эти монаршие дети, казалось, были совсем другими. На ум приходило слово «надменные».

— Ведите, господин художник, — велел фараон. — Хочу увидеть, как продвигается роспись моей гробницы.

— Отец, позволь пойти с тобой! — К фараону подошёл один из принцев. Он выглядел немного старше брата Ренни, Маху. Тощий, как палка, он всё ещё носил локон юности, доходивший ему до плеча. Вплетённые в локон золотые кольца сияли на солнце. Глаза у принца улыбались.

— Это мой четвёртый сын, Хаэмуас, — объявил фараон с нескрываемой гордостью в голосе. — Мы зовём его Хаэм для краткости. У него доброе сердце. Он родился, чтобы стать жрецом Птаха**, если его любовь к истории не встанет на пути. — Фараон посмотрел на Хаэма,

* Фенху — слово для обозначения древних людей, сегодня известных как финикийцы. Их потомки — жители Ливана.

** Птах — бог созидания, творец вещей. Считался покровителем скульпторов и архитекторов.

приподняв бровь. — Больше всего на свете мой сын любит исследовать древние руины, воображая для них новое предназначение. Интересно, какие фантастические истории ты придумаешь, посмотрев мою новую замечательную гробницу, Хаэм?

Принц Хаэм откашлялся.

— Признаю, я люблю историю и искусство, — объяснил он. — А когда я вырасту, я почию все разрушенные здания в Чёрной Земле и верну им былое величие.

— И, без сомнения, выяснишь, кто владел ими и жил в них, — влезла одна из сестёр принца.

— Да, и велю вырезать имена этих людей на стенах, так что они больше никогда не будут забыты, — пылко ответил принц Хаэм.

Фараон улыбнулся дяде Пепи.

— В этом мальчике горит огонь. Вот если бы только он горел так же ярко к стезе жреца. Но довольно пустых разговоров. Ведите, господин художник. Давайте взглянем на вашу работу.

Ренни нервно последовал за царственной процессией.

Он гордился умениями дяди Пеппи и был доволен своим вкладом, но когда люди смотрят на твой труд впервые — это всегда непросто. А когда его оценивает сам фараон... У Ренни не находилось слов. Он потеревил амулет на локоне юности, молясь, чтобы Рамсес одобрил его работу.

Вперёд вышли мужчины с горящими факелами, освещая стены. Фараон запрокинул голову и сцепил руки за спиной, расхаживая по коридору и разглядывая картины. Некоторые принцы и принцессы последовали его примеру, разгуливая вокруг него тесной группкой. Они напоминали Ренни гусят, повторяющих за матерью-гусыней.

Фараон остановился перед главной картиной. Она изображала его в центре драматичной сцены битвы: он ехал на запряжённой его любимым конём колеснице. Землю вокруг устилали тела павших вражеских солдат. В небе кружили стервятники, изголодавшиеся по людской плоти.

Ренни нравилась эта работа, и он много раз на неё смотрел. Пока что она была у него самой любимой во всей гробнице. Но разделит ли фараон его мнение?

Последовала долгая и мучительная пауза — вся царственная процессия рассматривала кар-

тину. Потом фараон бросил взгляд на принца Хаэма, призывая его высказать мнение.

— Это великолепно, — негромко объявил принц. — Посмотри, как хорошо господин художник изобразил твоё лицо, отец. Большинство художников рисуют так, как их научили, особо не задумываясь. Но эта картина не такая. Она кажется... *живой*.

— Ты прав, Хаэм, — согласился фараон. — Это хорошая картина. — Он повернулся к дяде Пепи. — Отличная работа, господин художник. Мы вами гордимся.

Принц Хаэм улыбнулся Ренни.

— И ты тоже молодец, — сказал он. — Я не могу определить, где работа твоего дяди, а где — твоя. Боги благословили тебя редким талантом.

У Ренни ком встал в горле. Ещё никогда в жизни его так не хвалили.

— Благодарю, ваше высочество, — пробормотал он, низко кланяясь. — Я и впрямь в долгу перед богами за их щедрость.

— Кажется, Ренни, ты лишь на несколько лет младше меня, — продолжил принц Хаэм. — Возможно, когда я стану достаточно взрослым, чтобы путешествовать по нашей прекрасной священной стране, ты станешь моим спутником.

Сможешь украшать старые храмы и здания, которые я восстановлю. Возможно, мы даже вместе исследуем древние пирамиды.

— Мой племянник с гордостью станет вашим художником, — сказал дядя Пеппи вместо Ренни, у которого, казалось, от изумления отнялся язык. Он — Ренни из бедной части Васета — будет путешествовать и работать на принца из царского дома Кемета*? Он наверняка уснул и видит сон...

— Приходи завтра ко мне во дворец, — пригласил принц Хаэм. Он снял с пальца кольцо и вручил Ренни. Кольцо было большое, серебряное, украшенное синей резной лягушкой. — Покажешь это стражникам, и они тебя впустят. Я работаю над одной картиной, украшающей стену у меня в библиотеке. На ней изображён бог Тот, изобретающий письменность. Мне бы хотелось услышать твоё мнение.

— Благодарю, ваше высочество, — сказал Ренни. Он едва не надел кольцо на палец, но потом передумал и аккуратно спрятал в сумку. Он не хотел рисковать — вдруг потеряет или, что ещё хуже, кольцо украдут на улице.

* Кемет — древнеегипетское название Египта.

Принц Хаэм собирался сказать что-то ещё, когда фараон поднял руку, останавливая его. Он глядел прямо на клонящееся к закату солнце, заливающее коридор.

— Неужели?.. — пробормотал он, торопясь ко входу.

Жрец с зонтом поспешил следом.

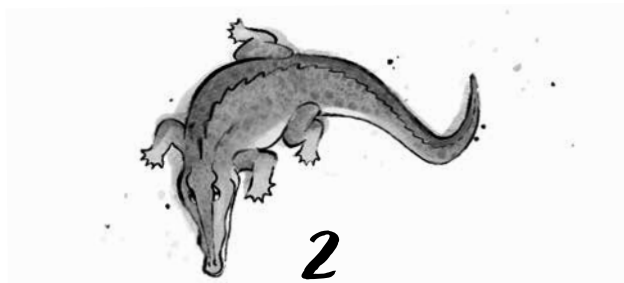
— Ваше величество, в чём дело?

Фараон остановился у входа в гробницу.

— Поверить не могу, что ошибся в расчётах! — ахнул он. — Лучи заходящего солнца не падают прямо в мою гробницу.

Ренни понял, что имеет в виду фараон. Было очень важно, чтобы священные здания были правильно выровнены по солнцу и звёздам. Так, когда фараон умрёт, их свет сможет пролиться на его гроб, наполняя всё вокруг магией. Фараон сам делал расчёты для новых храмов и гробниц на пышных церемониях в присутствии самых влиятельных людей страны.

— Немедленно призовите господина строителя и господина архитектора! — велел фараон юному жрецу. — Боюсь, вход придётся *перенести*!

Кормление ибиса

— Маху —

Маху лежал, растянувшись, на спине и жмурился от полуденного солнца. Может, сезон наводнения и наступил, но жара по-прежнему стояла жуткая. В Чёрной Земле всегда стояла жара, если только не отправиться на север. Маху слышал, что там, где земля встречается с открытым морем, часто бывает прохладно, а иногда даже идут дожди. «Представь, как стоишь в открытом поле, — подумал Маху, — позволяя прохладной воде струиться по твоим лицу и спине. Воде, которую ты не накачал собственноручно из-под земли!»

Лодочка Маху покачивалась на водах Итеру, Великой Реки*. Он привязал её к дереву, чтобы

* Итеру – древнеегипетское название Нила. Означает «река».

не унесло течением. Полоска песка, на которой он обычно держал лодочку, скрылась под водой.

С тех пор как его отец, позолотчик, умер, обязанность обеспечивать мать и младшего брата легла на плечи Маху. И зарабатывать он мог лишь трудясь в полях, которые сейчас погрузились под воду. Когда вода сойдёт, останется жирный слой грязи, идеальный для посевов. Маху будет копать и рыхлить землю, сажать растения от рассвета до глубокой ночи.

Маху вздохнул. Фермером он был неплохим, но сердце его лежало к другому. Он мечтал стать моряком. Но бедняк без связей или влиятельных друзей мог попасть в команду лишь подкупив капитана подарком. А у Маху ничего не было.

Он с горечью подумал о том, как пытался заполучить подходящий для капитана подарок. Чтобы заплатить за него, он заставил своего младшего братишку Ренни украсть сокровище из гробницы одного генерала. Вот только Ренни по ошибке своровал скарабея сердца, и *ка* его владельца, умершего генерала, стал их преследовать.

Маху, Ренни и их подруга принцесса Балаал оказались в огромной опасности. Маху знал, что больше никогда не пойдёт на такое, как бы сильно ему ни хотелось исполнить мечту.

И всё же Маху рассчитывал, что однажды попадёт на корабль и отправится в плавание по огромному открытому морю. Даже боги не в силах помешать тебе осуществить что-то, если ты действительно этого хочешь.

Вода пошла рябью: возле лодочки Маху опустилась стайка птиц. Он сел, ожидая увидеть клацающих мощными челюстями крокодилов. В это время года крокодилы толстели, находя лёгкую наживу среди потревоженных наводнением рыб, птиц и людей.

Удивительно, но крокодилов не было. Птицы же оказались ибисами, с длинными загнутыми вниз клювами и маленькими глазками-бусинами. Перья у них на головах и шеях были черны как сажа, но крылья сияли ярко-белым.

Берег скрылся под водой, и бедняги не могут найти крабов полакомиться, осознал Маху. Он выудил из сумки кусок чёрствого хлеба и разломал его на куски, а потом бросил в воду.

Ибисы накинудись на хлеб, клекоча и щёлкая длинными клювами.

Один из них повернулся к Маху и уставился на него глазом, обрамлённым красным. На миг у мальчика появилось жуткое ощущение, что этот глаз человеческий... и что он где-то видел

его раньше. Потом это ощущение прошло. Ибис моргнул и отвёл взгляд.

«Я схожу с ума, — подумал Маху. — От скуки совсем рехнулся. Надо бы заполучить подарок для капитана, и побыстрее».